

Смирнов Иван Николаевич

Мордва

Историко-этнографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич С.**
Мордва: Историко-этнографический очерк / Смирнов Иван Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 306 с.

ISBN 978-5-519-74112-5

ISBN 978-5-519-74112-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Мордва“ заканчиваетъ собою серію очерковъ, предпринятыхъ нами 7 лѣтъ тому назадъ, и мы находимъ возможнымъ въ настоящій моментъ связать эти очерки общимъ заглавіемъ, которое имѣли въ виду уже тогда, но не рѣшались выставить, не зная, удастся-ли намъ довести задуманное дѣло до конца. „Черемисы“ въ этой серіи составляютъ 1-ю часть I-го тома, „Вотяки“ и „Пермяки“ 1-ю и 2-ю части II-го тома, посвященнаго „Прикамской, или Пермской группѣ“.

Въ предисловіяхъ къ отдѣльнымъ очеркамъ намъ не разъ уже приходилось говорить, что они преслѣдуютъ двѣ основныя цѣли: 1) дать критическій сводъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются относительно той или другой народности въ литературѣ и 2) внести научную систему въ изложеніе какъ этихъ данныхъ, такъ и нашихъ собственныхъ наблюденій. Теоретическія основанія принятой нами системы были уже изложены въ очеркѣ „Пермяки“ (стр. 177—178, 207—208) и главнымъ образомъ въ брошюрѣ „Задачи и значеніе мѣстной (частной) этнографіи“ (Каз. 1891). Здѣсь, въ предисловіи къ цѣлой серіи очерковъ, мы позволяемъ себѣ воспользоваться нѣсколькими отрывками изъ названныхъ работъ для того, чтобы ввести читателя въ кругъ тѣхъ требованій, которыя онъ вправѣ предъявлять къ каждому изъ нашихъ очерковъ, и выяснить условія появленія въ нихъ замѣченныхъ компетентной критикой съ прискорбіемъ „смѣлыхъ предположеній и рѣшительныхъ выводовъ гипотетической этнографіи“.

„Задача частной этнографіи заключается, думаемъ мы, въ томъ, чтобы раскрыть тѣ особенности духа, которыми отличается данный народъ и которыя сказываются въ его творчествѣ, въ

созданной имъ культурѣ. Первымъ и элементарнымъ видомъ творческой дѣятельности человѣка, первымъ показателемъ творческихъ силъ его духа является, конечно, приспособленіе природы къ основнымъ его потребностямъ—творчество въ области вѣшняго быта: добыча и приготовленіе пищи, устройство жилья, одежда. Направленіе и характеръ этой дѣятельности опредѣляется свойствами среды, окружающей человѣка, и тѣми силами тѣла и духа, которыми онъ располагаетъ. Слѣдующая категорія явленій, на которой должно остановиться вниманіе этнографа, опредѣляется безъ труда. За потребностями въ пищѣ и кровѣ слѣдуетъ потребность продолженія рода.

Исслѣдованіе условій, которыми обставляется удовлетвореніе этой потребности, приводитъ насъ одновременно къ первобытнымъ формамъ общественнаго союза и брака. Къ тѣмъ-же вопросамъ изслѣдователь можетъ подойти и съ другой стороны. Знакомясь съ родами пищи и способами ея добыванія, мы знакомимся попутно и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ тотъ или другой способъ удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей на отношенія человѣческихъ особей другъ къ другу, другими словами на размѣры и формы сотрудничества. Изъ отношеній, основанныхъ на потребности продолженія рода и сотрудничествѣ, вытекаетъ такимъ образомъ цѣлая масса явленій, которые обнимаются терминами „семейныя“ и общественныя отношенія“.—Это творчество социальныхъ формъ.

Около человѣческаго трупа зараждается рядъ явленій высшаго порядка—идеи о сверхчувственномъ и культъ усопшихъ. Здѣсь демокраціонная черта между человѣкомъ и животнымъ. По одну сторону ея въ области творчества, направленного на сохраненіе особи и рода, возможны аналогіи между тѣмъ и другими,—по другую всякая возможность такихъ аналогій исчезаетъ. Мы вступаемъ въ высшую область творчества, въ область идей о происхожденіи, сущности и взаимныхъ отношеніяхъ явленій окружающаго міра, въ область первобытной философіи и религіи природы. Эта область обнимаетъ собою языкъ, поэзію, вѣрованія и культъ“¹⁾.

¹⁾ «Пермяки». 177—178.

„Въ мірѣ намѣченныхъ явленій человѣческаго творчества есть масса вещей, которыя остаются незамѣтными, не привлекаютъ на себя вниманія наблюдателя. Чтобы уловить, оцѣнить ихъ значеніе и выдвинуть ихъ, онъ долженъ имѣть болѣе тонкое вниманіе, по своему вооруженный глазъ. Здѣсь не можетъ быть, конечно, рѣчи о какихъ нибудь инструментахъ. Роль ихъ у наблюдателя человѣческаго творчества заступаютъ общія идеи исторіи культуры, политической экономіи, психологіи. Можетъ быть, онѣ шатки, но вѣдь принимаются же въ естествовѣдѣніи теорія атомовъ, теорія космическаго эфира, которыя также не имѣютъ безусловной доказательности. Теоріи даютъ толчекъ къ изученію связи между явленіями, заставляютъ глубже всматриваться въ нихъ и часто находятъ себѣ подтвержденіе въ вызванныхъ ими работахъ. Теорія развитія, теорія переживанія, намѣченная культурной исторіей схемы развитія отдѣльныхъ элементовъ человѣческаго творчества—все это вноситъ жизнь въ изслѣдованіе, заставляетъ искать органической связи между явленіями, которыя были до сихъ поръ просто свалены въ ящики съ различными ярлыками, ловить и тщательно всматриваться въ самыя мелкія подробности.

Изслѣдователь, который ставитъ дѣло такимъ образомъ, можетъ увлекаться, ошибаться. Пусть! Вѣдь и въ микроскопъ подчасъ два изслѣдователя видятъ не одну и ту же вещь; изъ этого не заключаютъ, однако, что микроскопъ не пужень и даже вреденъ.

Тѣми условіями, которыя современная этнографія ставитъ для наблюденія, опредѣляются, конечно, и условія обработки собраннаго матеріала. Было время, когда отъ этнографа требовалось одно—красно рассказать то, что онъ видѣлъ. Это было время, когда этнографія, подобно литературѣ путешествій, была особымъ видомъ беллетристики. Въ настоящее время этнографія становится наукой и для изслѣдователя, который пожелалъ бы познакомить читающій людъ съ своими наблюденіями, требуется уже система: нельзя послѣ описанія дома говорить о погребальномъ обрядѣ, потомъ о костюмѣ, послѣ костюма о вѣрованіяхъ. Система и характеръ изложенія этнографическихъ фактовъ опредѣляется 1) намѣченными уже выше органическими отношеніями между отдѣльными видами человѣческаго творчества, 2) отноше-

ніемъ частной этнографіи къ общей, къ исторіи культуры и другимъ наукамъ о человѣкѣ. Изслѣдованіе по частной этнографіи находится въ такомъ же отношеніи къ этимъ наукамъ, какъ монографія, посвященная тому или другому виду животныхъ или растений, къ зоологіи, ботаникѣ и біологіи.

Общей этнографіи она даетъ матеріаль для характеристики крупныхъ сочетаній народовъ, для ихъ систематики по культурнымъ признакамъ (пока по языку), исторіи культуры—матеріаль для повѣрки и обоснованія ея общихъ положеній и схемъ. Отъ нихъ она беретъ систему, общія понятія, принципы изслѣдованій.

Какъ нельзя сдѣлать научной характеристики какого бы то ни было органическаго вида, не имѣя общаго естественно-научнаго образованія, такъ нельзя характеризовать и народность безъ общихъ этнологическихъ и культурно-историческихъ свѣдѣній. Этнографъ, который говоритъ о подсѣчномъ хозяйствѣ, поземельной общинѣ, артели, родовомъ бытѣ, культѣ предковъ, фетишизмѣ, анимизмѣ, пользуется этими категоріями политической экономіи и исторіи культуры, какъ натуралистъ пользуется своими морфологическими и біологическими категоріями; онъ также опредѣляетъ въ выраженіяхъ принятой терминологіи данныя свойства, признаки народа, устанавливаетъ ихъ отношеніе къ извѣстнымъ уже, можетъ быть, и гипотическимъ типамъ. На этотъ путь этнографія уже встала и возврата съ него въ область беллетристики быть не можетъ.

Предположимъ, что изслѣдователь, исходя изъ этихъ соображеній, классифицировалъ и опредѣлилъ свой матеріаль. Его задачи еще не исчерпываются. Вдумываясь въ свои факты, каждый изслѣдователь можетъ замѣтить, что не все собранное имъ характерно для народа въ настоящій моментъ: во время свадьбы родственники жениха дѣлаютъ видъ, будто похищаютъ невесту; на самомъ дѣлѣ бракъ происходитъ по соглашенію обѣихъ сторонъ; въ праздники во многихъ мѣстахъ колятъ скотину и жертвуютъ кожу въ церковь и въ то же время по крайней мѣрѣ отдѣльныя лица понимаютъ, что ни христіанскому Богу, ни его святымъ не нужны эти кровавыя жертвы. Между современными отношеніями, понятіями и вѣрованіями съ одной стороны и многими обычаями съ другой обнаруживается разладъ. Ученіе о переживаніяхъ объясняетъ этотъ разладъ: оно говоритъ,

что такіа. неимѣющія связи съ современнымъ міровоззрѣніемъ, вещи—остатки прошлаго, пережитыхъ народомъ ступеней его развитія, исторіи. Жизнь прихотливо комбинируетъ обломки старины и рядъ сознательныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ современныхъ понятій. Ислѣдователь долженъ отдѣлать живое отъ обломковъ старины, отодвинуть отжившее съ перваго плана картины вглубь ея, дать этой картинѣ культурно-историческую перспективу, употребить эти обломки для того, чтобы возстановить исторію развитія данной народности. И въ этой работѣ нельзя обойтись безъ справокъ съ исторіей культуры, безъ ея категорій. Свалить все старое въ одну кучу и назвать это исторіей народа нельзя: обломки нужно разложить такъ, чтобы получалось представленіе объ эпохахъ, которыя прошелъ народъ въ своемъ развитіи, чтобы читатель шелъ постепенно отъ одной ступени къ другой. Существенную помощь въ этой работѣ окажетъ ислѣдователю исторія культуры. Большая часть этихъ обломковъ подойдетъ къ тому, что повторяется въ жизни другихъ народовъ, что какъ моментъ въ развитіи даннаго отдѣла культуры, вошло уже въ ея исторію: сохранившіеся въ свадебномъ обрядѣ остатки старины распредѣлятся между двумя порядками пріобрѣтенія жены (куплей и умыканіемъ) и оба эти порядки окажутся въ отношеніяхъ послѣдовательности—одинъ, какъ болѣе поздній, другой, какъ болѣе ранній. Пользуясь категоріями культурной исторіи, ислѣдователь будетъ опредѣлять свой матеріалъ и систематизировать его въ порядкѣ послѣдовательности, развитія—и этимъ выполнить послѣднее существенное требованіе обработки“¹⁾).

Рядъ выполненныхъ нами по изложенному сейчасъ плану очерковъ послужить, надѣмся, небезполезнымъ матеріаломъ для разрѣшенія болѣе сложныхъ задачъ финновѣдѣнія. Имѣя подъ руками сводъ данныхъ, касающихся внѣшняго быта, семейныхъ и общественныхъ отношеній, вѣрованій и культа четырехъ восточно-финскихъ народностей и сопоставляя ихъ съ однородными фактами изъ области западно-финской и угорской этнографіи, ислѣдователи въ состояніи будутъ расширить слагавшіяся до сихъ поръ исключительно на почвѣ лингвистическаго матеріала представленія объ обще-или пра-финнской культурѣ. Результаты срав-

¹⁾ «Задачи и знач. част. этногр.» 16—18.

нительнаго изученія этнографическихъ фактовъ дадутъ плоть и кровь блѣднымъ тѣнямъ прошедшаго, которыя вызываетъ такъ называемая лингвистическая археологія.

Въ свѣтъ этого сравнительнаго изслѣдованія рельефно выступаютъ, конечно, и тѣ ошибки и недочеты, которые имѣютъ мѣсто въ нашихъ очеркахъ и являются результатомъ увлеченій и недостаточной подготовленности автора.

Обращаясь въ заключеніе этихъ страницъ къ нашему послѣднему очерку, мы считаемъ пріятнымъ долгомъ принести нашу сердечную признательность гг. директорамъ народныхъ училищъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Тамбовской за доставленіе списковъ преподавателей народныхъ училищъ въ населенныхъ Мордвою районахъ, гг. Лукину, Бутузову, Иванцеву, Фитингофову, Строганову и Мелентьеву за доставленіе для редакціи „Извѣстій“ собранныхъ по нашей программѣ свѣдѣній о мѣстной Мордвѣ и г. подполковнику В. А. Мошкову за свѣдѣнія, собранныя у Мордвы-солдатъ Варшавскаго военнаго округа.

В. Смирновъ.

Казань 18 янв. 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—VI.
Глава I. Очеркъ исторіи	I—113.
Глава II. Внѣшній бытъ	114—140.
Глава III. Семейныя и общественныя отноше- нія	141—165.
Глава IV. Культъ предковъ, воззрѣнія на смерть и погребальныя обряды	166—195.
Глава V. Вѣрованія и культъ	196—261.
Глава VI. Библіографія	262—291.
Прибавленія	I—5.

ГЛАВА I.

Очеркъ исторіи.

Мордва представляет собою крупнѣйшее изъ современныхъ восточно-финнскихъ племенъ. Она занимаетъ своими поселеніями значительныя пространства въ губерніяхъ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Казанской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской.

Своими прошлыми судьбами Мордва входитъ, какъ видный дѣятель, въ исторію княжествъ Рязанскаго и Суздальско-Нижегородскаго. Почтенная древность эпохи Юрія Всеволодовича не представляетъ собою границы, дальше которой мы не могли-бы углубляться въ прошлое мордовскаго племени. О странѣ *Мордіа* говоритъ Константинъ Багрянородный въ своей книгѣ „de administrando imperio“ ¹⁾; еще глубже въ прошедшемъ мы встрѣчаемъ упоминаніе племени *Mordens* у Іорнанда. Племя это среди цѣлаго ряда другихъ, до сихъ поръ болѣе или менѣе точно не опредѣленныхъ, фигурируетъ въ числѣ покоренныхъ Готскимъ королемъ Эрманарихомъ ²⁾. На Іорнандѣ прекращаются извѣстія историковъ. Брошенное имъ упоминаніе о Мордвѣ представляетъ собою границу, отдѣляющую исто-

¹⁾ Страна эта лежитъ по указанію Византійскаго историка между Славянами, Печенѣгами и Булгарами.

²⁾ «De rebus Gothicis».

рический періодъ ея жизни отъ доисторическаго. Нашимъ первымъ и главнымъ въ настоящее время руководителемъ въ области доисторическаго прошлаго Мордвы является филологія.

Въ 1879 г. въ Будапештѣ появилась работа мадьярскаго ученаго, нынѣ академика, I. Буденца „Ueber die Verzweigung der Finnischen Sprachen“. Буденцъ намѣчаетъ въ ней на основаніи языка основные моменты исторіи Финновъ. Сравнительное изученіе финскихъ нарѣчій привело его къ убѣжденію, что Мордва, Черемисы и Суоми составляли одну изъ группъ, на которыя распалось нѣкогда единое пра-финское племя—ю ж н у ю; въ составъ с ѣ в е р н о й, по его мнѣнію, входили предки нынѣшнихъ Лопарей, Зырянъ съ Вотяками, Воголовъ съ Остяками и Мадьярами.

Профессоръ Гельсингфорскаго университета О. Доннеръ дважды затронулъ въ своихъ трудахъ вопросъ о доисторическомъ прошломъ Мордвы и Суоми. Въ заключительныхъ строкахъ своего изслѣдованія „Die gegenseitige Verwandschaft der Finnisch-Ugrischen Sprachen (Hels. 1879)“ онъ такъ резюмируетъ свои выводы изъ сравнительнаго изученія финскихъ нарѣчій: „Волжско-Балтійскіе Финны жили совместно долгое время послѣ отдѣленія отъ пермской группы, слегка соприкасаясь съ германскими народами, отъ которыхъ они заимствовали десятичную систему счисленія и незначительное количество культурныхъ словъ. Новые историческіе перевороты двинули западно-финнскіе народы дальше на Западъ и Сѣверъ—и на это время приходится періодъ перваго значительнаго культурнаго вліянія Германцевъ (первыя столѣтія нашей эры). Въ это же время становится впервые замѣтно и литовское вліяніе“.

Въ статьѣ „Ueber den Einfluss des Litauischen auf die Finnischen Sprachen“ проф. Доннеръ нѣсколько иначе представляетъ это дѣло. Первое соприкосновеніе нераздѣльных еще Мордвы и западныхъ Финновъ съ Германцами (Готами) имѣло мѣсто во внутренней Россіи, примѣрно въ Московской области. Къ тому же „мордовско-финнскому“ періоду совме-

ной жизни относится соприкосновение съ Литовцами и Славянами; въ мордовскомъ языкѣ оказываются слѣды не только готскаго, но и литовскаго вліянія. У кого Финны разсматриваемой группы заимствовали десятичную систему счисления, Доннеръ въ этой статьѣ уже не рѣшается говорить положительно. Онъ думаетъ, что рядомъ съ Литовцами въ дѣлѣ передачи Мордвѣ и Финнамъ системы чиселъ участвовали и Славяне (*sata* || сто) ¹⁾.

Въ новѣйшемъ трудѣ извѣстнаго датскаго финнолога, профессора Копенгагенскаго университета, В. Томсена „*Beröringar mellem de finske og de baltiske (lettisk-litauiske) Sprog*“. Кіор. 1890) мы встрѣчаемъ новую схему, въ которой представляется на основаніи данныхъ языка доисторическое прошлое Мордвы.—Въ эпоху, когда на финнскіе языки началось готское вліяніе—а началось оно, судя по архаическимъ формамъ заимствованныхъ Финнами у Готовъ словъ, раньше вѣка Вульфилы (318—388), Черемисы и Мордва были уже оторваны отъ западныхъ Финновъ: въ ихъ языкахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого вліянія. Эта эпоха совпадаетъ съ концомъ болѣе ранняго періода въ исторіи приволжскихъ Финновъ—періода, когда Мордва составляла нераздѣльное цѣлое съ Финнами Балтійскими. Въ этотъ древнѣйшій періодъ своей исторіи она вмѣстѣ съ Черемисами и Суоми испытала сильное вліяніе литовскаго племени. Мордва соприкасалась съ литовскими племенами и послѣ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ Суоми: кромѣ литовскихъ словъ, заимствованныхъ совместно съ западными Финнами, въ ея языкѣ есть такіа литовскія слова, которыхъ нѣтъ въ нарѣчіяхъ этихъ послѣднихъ. Время, когда совершилось воздѣйствіе литовскаго племени на Мордву и Суоми, совпадаетъ, по мнѣнію Томсена, съ началомъ нашей эры или отходитъ даже нѣсколько глубже.—Филологія уводитъ насъ такимъ образомъ на цѣлыя столѣтія дальше, чѣмъ самыя древнія свидѣтельства исторіи, въ такую

¹⁾ Intern. Zeitsch. für allgem. Sprachwiss I, 257—271.